

РАЗГОВОР О КИНО ПОД ТРОПИКОМ РАКА

Итак, советским теплоходом «Александр Пушкин», следующий из Мальбурна в Сидней. На борту более четырехсот австралийских туристов. Из них 55 любезно заполнили анкеты «Экрана», предложенные им редактором судовой газеты, сотрудником информационного агентства «Новости» Михаилом Графовым.

Видели ли вы какие-либо советские фильмы? Ваше мнение о них? — «Нет». «Нет». «Нет... Всего 26 «нет».

Двое ответили «да», но назвали тем не менее фильмы «Парк Горького», «Скрипач на крыше», «Красная жара» и «Доктор Живаго» — американские ленты, действие которых происходит в России.

Некоторые из туристов видели в жизни по одному советскому фильму, зато помнят его до сих пор: «Летят журавли», «Снежная королева», «Война и мир», «Броненосец «Потомки», «Патр I», «Детский сад», «Не стреляйте в белых лебедях», «Мы из джаза» и загадочную картину «О девушке Дарья, которая еще до революции жила в казачьей станице». Есть среди опрошенных и постоянные пассажиры советских судов: именно в плавании они существенно пополняют свои знания о нашем кино. Эти особенно ценят документальную студию, позволяющую «понять образ жизни» далекой страны. Рекордсмен здесь — 70-летний турист, бывший школьный учитель из Брисбана, уже ходивший на «Шота Руставели», «Тарасе Шевченко», «Федоре Шляпине» (шесть раз), «Туркмени» (три раза) и «Александр Пушкине» (23 раза!).

Еще ответы: — Ваши фильмы серьезны — в них всегда социально-политическая тенденция. — Мне неинтересны ваши

фильмы — они мрачные. — Меньше всего нравится «Иди и смотри» — жестокий, гнетущий фильм. Больше всего — «Покаяние», необычной разработкой темы диктатуры (учительница, 39 лет). — В ваших картинах великолепные актеры! Ну, раз так, возникает следующий вопрос: Знаете ли вы кого-нибудь из советских режиссеров или актеров? — «Нет». «Нет». «Нет... Всего 44 «нет».

— Не могу припомнить. — На помню имен, но актеры хорошие. — Эйзенштейн. Климов. Тарковский. Панфилов. Эйзенштейн. Чурикова. Гурченко. Эйзенштейн. Табаков.

Есть ли шанс у советского кино иметь успех в Австралии? — Нет, пока оно не заговорит по-английски. — Да. Число овропоцев в Австралии растет. И здесь много людей, которые говорят и понимают по-русски.

— Нет. Разве только у очень незначительного меньшинства — ваши фильмы слишком отличаются от западных стандартов. — Качество сюжетов и техники должно быть значительно выше. Но шанс есть: слишком много дешевых мусорных картин обильно показывают в Австралии.

— Мы же все люди, мы чувствуем одинаково. Если вы показываете печально, нам тоже грустно; если счастье — мы счастливы с вами. — Нет. Средний австралиец предпочитает «обаяшек» из Голливуда и не хочет утруждать мозги. И он чересчур ленив, чтобы читать субтитры (студент, 27 лет).

Какие фильмы предпочитаете вы лично? — Семейные. С хорошей идеей и музыкой. О правде жизни. Романтические и без секса. Музыкальные («Моя прекрасная леди»). С Томом Крузом. Документальные. Образовательные. Высокотехнические приключения. Вестерн. Триллер. Приключения и интриги. — И, наконец, последний вопрос, который неожиданно оказался самым симптоматичным. Мы привыкли, что мир балдеет исключительно от американского кино, что оно злостно подавляет все национальные кинематографии. Ан, оказалось, не совсем так. Там, где национальное кино переживает художественный улагод, оно непременно и в финальном кризисе. А там, где кино на подъеме... Как вы оцениваете состояние австралийского кино сегодня? — «Хорошо» (5 ответов). — «Очень хорошо» (9 ответов). — «Великолепно» (7 ответов). — «Очень хорошо, и уровень быстро растет» (23 ответа). — «Есть парочка хороших фильмов, остальное — мусор» (студент, 18 лет). — Старые фильмы были лучше (пенсионер, 72 года). — Прочное, устойчивое положение, большой успех у публики. — Такие картины, как «Моя блестящая карьера». «Все реки текут» и «Человек со Снежной реки», просто великолепны. — Очень хорошо. Почти как американское кино (студент, 23 года). — Очень хорошо, лучше, чем американское кино, но плохо рекламируется (почтальон, 28 лет). — Первый класс! Можно позавидовать этому патриотизму. И допустить, что нам позволяет делать вполне наши фильмы, только действительно хорошие, тогда агрессия за-океанского кино не кажется обязательно убийственной.

старое фото

КОРОЛЕВА БЕЗ КОРОНЫ

В 1964 году, во время I Всесоюзного кинофестиваля в Ленинграде, где демонстрировался «Гамлет» Г. Козинцева, съемочная группа фильма побывала в гостях у шахтеров города Сланцы. Лифт опустил нас на стометровую глубину, а электровоз доставил к стволу шахты. Согнувшись, узкими штреками мы вошли в забой. Впереди всех шел быстрый И. Смоктуновский и забрасывал вопросами сопровождавшего нас инженера. Его интересовало все: технология и механизация работы, жизнь и быт шахтеров. — Хорошо бы попробовать... В Кузбассе прошел по многим забоям. Ему дали отбойный молоток. Врезался в пласт. — Да, нелегко! — И, обращаясь к шахтерам, добавил: — Но, друзья, в кино сниматься тоже нелегко — для меня, во всяком случае... В тот день был сделан этот снимок: на королеве Гертруде (артистка Э. Радзинь) и принце датском не короны, а шахтерские каски. Борис ВИЛЕНКИН, фото автора

Ведет Анна ИТЕНБЕРГ

Сергей РАХЛИН (специально для «Экрана») Лос-Анджелес

ПУСТОТА ПУСТЫНИ

Сегодня Бертолуччи — один из немногих кинорежиссеров, надежных глубоким дыханием эпика. Еще приходят на память японский мэтр Акира Куросава да соотечественники Бертолуччи, братья Таубани. При этом искусство Куросавы и Таубани глубоко укоренено в их национальных культурах, тогда как назвав Бертолуччи итальянским режиссером можно с большой долей условности. Вчера он ставил картину о революции в Китае, сегодня — о приключениях четы американцев в Сахаре. Место и время действия для него всегда лишь предлог или метафизический фон. В любых временных, географических или национальных обстоятельствах этот режиссер занят одним — проникновением в глубины человеческой психики, исследованием связей между людьми или, лучше сказать, разрушением этих связей. В этом он достигает эпических масштабов обобщения.

Казалось бы, лучше всех в кино показал некомуникабельность (помните этот когда-то модный термин?) другой соотечественник Бертолуччи — Микеланджело Антониони. В фильмах Антониони «Ночь», «Приключение», «Затмение», «Красная пустыня» была передана тоска человека от одиночества в современном мире. Для Антониони было важно противопоставить человека городскому, индустриальному пейзажу. Апофеоз этот подход достиг в «Красной пустыне», где пустыня — понятие алгорическое. В новом фильме Бернардо Бертолуччи «Под покровом небес» пустыня — настоящая. Она властвует в изобразительной части. Ее функции куда сложнее, чем быть просто символом психологического состояния героев. Не только о душевной пустоте речь. Пустыня Бертолуччи — пробытка для наблюдения за хитрым опытом с обидным, горьким однозначным результатом. Бертолуччи отсекает все посто-

рнее, частное, чтобы его изыскания в области человеческой психики достигли почти научной чистоты. Под крышей небес, как бы говорит Бертолуччи, человек принимает страдания от своих ближних и от самого себя, смертного. Когда в 70-х годах Бертолуччи ошеломил мир своим «Последним танго в Париже», немногие поняли, что сила и новизна картины были не в откровенных сексуальных сценах, а в интенсивности психологического взаимодействия участников драмы. Бертолуччи явил совершенно новые для кино способы проникновения в человеческую психику, остро, как никто до него, обнажил экзистенциальный конфликт. В новом фильме ожесточенная сексуальность «Последнего танго» намеренно уступает место почти унылой физиологичности. Герои не только ничего не могут сказать друг другу через сексуальный контакт. Им вообще нечего сказать друг другу.

Путешествие в пустыню, предпринятое супругами Портом Моресби (Джон Малкович) и Кит Моресби (Дебра Уингер), приводит его к физической гибели, а ее к потере рассудка. Я не говорю — к духовной гибели, поскольку в духовном смысле герои погибли задолго до их высадки на алжирском берегу. Крест на жизни Порты поставлен уже в Нью-Йорке, который мы увидим в стилизованном черно-белом виде, лишь как фон для титров. Пустыня оспаривает серьезность Нью-Йорка невероятной по яркости гаммой цветов — желтого и синего (оператор Витторио Сторао). Однако гнетущее молчание пустыни ничуть не менее страшно, чем inferнальный гул большого города. Нет человеку спасения нигде. ПрIMITивная жизнь туарегов, к которым попадает Кит, оказывается далекой от представлений о «не испорченных цивилизацией туземцах» Бертолуччи, горько высиивая своих западных персо-

нажей, к жителям Сахары вызывает просто физическое отаравание. Намеренно не снабдив переводом их речь, он уподобляет ее воплям верблюдов. Здесь некомуникабельность достигает высшей точки. Героиня Дебра Уингер в эпизодах пленения не произносит ни одного слова. Ее попытки утешиться в объятиях вождя туарегов не приносят ей желаемого освобождения от мирской суеты. Даже самые экзотические обстоятельства оказываются, не способны вернуть герою смысл существования. Зря они ищут потерянный путь к единению душ и тел на краю бытия. Тот, кто попытается в новом фильме Бертолуччи обнаружить складную историю, будет разочарован. Режиссер не ведет ни героев, ни нас никуда, кроме края психологической пропасти. У пустыни человеческого существования нет начала, как нет и конца. Есть только зыбучие пески забвения...

Среди множества картин, показанных на фестивальных экранах Москвы, безусловным фаворитом выглядел новый фильм Бернардо Бертолуччи «Под покровом небес» (Sheltering sky). На фестивале он почему-то шел под названием «Раскаленное небо».

